

Переводы и комментарии

**ГЛАВЫ 7–8 ИЗ КНИГИ
«КОЛДОВСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ»¹**

Станислав Андрески

Глава 7. Соблазны абсурда

Даже поверхностная рефлексия о человеческой природе склоняет к выводу: за пределами практической деятельности люди не обладают врожденной склонностью к поиску истины. Тогда как абсурд и неопределенность не только не отталкивают, но часто привлекают человека настолько, что ему трудно преодолеть это искушение. Есть несколько причин существования такого состояния вещей. Видимо, самая общая причина состоит в том, что определенность и логика налагают на мышление важные ограничения, которые ведут к тому, что оно не может полностью оставаться на службе желаний, страстей и произвола. Для описания данного феномена можно использовать метафорическую терминологию Фрейда. Логика и определенность стоят на страже принципа реальности, который запрещает мышлению следовать только за принципом удовольствия и гарантирует максимум интеллектуального комфорта. Он базируется на вере в то, что мы хотели, чтобы то или иное положение было истинным, без размышления о том, как есть на самом деле.

Однако у мышления в соответствии с принципом удовольствия не было бы никаких границ, если бы мы не нуждались в истинной информации на тему того, что происходит в нашем окружении, чтобы быть в состоянии им манипулировать и удовлетворять наши желания. Насколько далеко мы можем отойти от принципа удовольствия и подчиниться принципу реальности? – ответ на этот вопрос зависит от того, насколько немедленными и тяжкими окажутся наказания за следование ложным убеждениям. В свою очередь, немедленность и тяжесть наказаний будут зависеть от степени, в какой успех действий зависит от истинности принятой точки зрения. При управлении лодкой невозможно согласие с ложными убеждениями относительно силы течения или расположения скал. Зато до бесконечности можно поддерживать даже самые абсурдные философские представления без всяких неприятных последствий.

Одно из удовольствий, вытекающих из абсурда и неопределенности, состоит в возможности мыслить и публично провозглашать: мы нечто понимаем в ситуации, когда дела обстоят совсем наоборот. К тому же неопределенность и абсурд являются вполне подходящим оружием для защиты авторитета индивида, который фактически не отличается ни большим талантом, ни особым знанием. Рассуждение в соответствии с правилами логики подобно игре со строгими и неизменными правилами, в которой каждый участник может сразиться с мастером и победить его. Тогда как в царстве неопределенности и абсурда не существует

¹ См.: Andreski St. Czarnoksiestwo w naukach społecznych. – Warszawa: Oficyna naukowa, 2002 – Ss. 97–115.

никаких правил, которые могут послужить для опровержения мастера и отрицания того, что он говорил. Неопределенность и абсурд служат таким авторитетом, который не отличается от большинства людей своими талантами и способностями. В этом смысле неопределенность и абсурд аналогичны одеянию монаха и форме военного. Все они охраняют духовных и светских иерархов от неожиданных следствий обнаженности. В бане невозможно узнать, кто генерал, президент или архиерей.

До тех пор, пока авторитет (власть) пробуждает покорность, неопределенность и абсурд будут подпоркой для консервативных тенденций в обществе. Прежде всего потому, что определенное и логичное рассуждение позволяет накапливать знание. Прогресс точных наук – лучшее тому доказательство. В конечном счете накопление знания ведет к разрушению существующего порядка. Туманные рассуждения не ведут ни к чему и могут продолжаться до бесконечности. Невозможно найти пример того, как болтовня привела к радикальным изменениям в мире. Зато непроверяемость дает возможность бесконечного повторения магических слов, которые помогают сплотить группу последователей.

Большинство людей позитивно относятся к себе подобным. И наоборот – не любят тех, кто от них отличается. Правда, ситуация меняется в том случае, когда различия позволяют осуществить изменения в сфере материальных благ, информации и сексуального престижа (гратификации). Ф. Гиддингс назвал эту склонность родовым сознанием, которая является всеобщей среди людей и животных. Противоположную склонность Гастон Бутуль назвал гетерофобией. Разумеется, вместо неудобного определения «родовое сознание» мы не можем пользоваться греческим эквивалентом гомофилия, поскольку он уже применяется для определения гомосексуализма.

Чтобы читатель не зачислил гетерофобию в состав иррациональных атавизмов, следует добавить, что определенная доля ее образует необходимый фактор социальной жизни, которая стала бы невозможной, если бы мы не смогли предвидеть поведение наших собратьев, для чего необходимо по крайней мере минимальное приспособление к обязательным нормам. Более того, сама коммуникация возможна благодаря тому, что она присуща всем людям, а без уподоблений, вынуждаемых гетерофобией, вообще не было бы языка. Оригинальные мысли могут быть понятны лишь благодаря банальностям, которые в них содержатся. Абсолютная оригинальность была бы бесполезной (или невозможной), если бы не было кому ее сообщить.

Несмотря на это, даже малая толика оригинальной мысли ведет к тому, что ее автор отчуждается от большинства человеческого рода. Ему намного труднее удовлетворить стадный инстинкт, присущий обычному человеку. Пророк считается отщепенцем до тех пор, пока не найдет последователей. Но он сразу может их лишиться, если не воздержится от постоянных инноваций и будет постоянно менять собственную доктрину. Правда, такая ситуация встречается крайне редко, поскольку трудно постоянно находить новые идеи. Опыт остракизма и связанных с ним страданий помогает смягчить радикализм. В результате пророк уже не меняет своих убеждений. Он довольствуется обладанием преданными учениками и посвящает остаток энергии на создание Школы. Благодаря ей прежде проклинаемые взгляды и представления претендуют на вечность.

Общие верования сближают, а противоречия разделяют людей. Логическое мышление ведет к открытиям, которые разрушают прежние убеждения (нередко обладающие высокой ценностью). Оно нередко ведет к нарушению всеобщей гармонии, необходимым условием которой являются общие взгляды членов группы. Но это не все. Логика принадлежит всему человеческому роду. Поэтому ее трудно использовать для создания барьеров между своими и чужими. Иначе говоря, категория людей, умеющих пользоваться логикой и базирующих на ней свое поведение, не должна быть навсегда открытой. Тогда как произвольно установлен-

ная догма может (и обычно так делает) изолировать последователей от остальных. Чем более эта догма абсурдна, тем лучше она может действовать как барьер, окружающий хорошо консолидированную группу. Отступление от догмы вызывает разрыв социальных связей. Это частично объясняет длительность времени сохранения наиболее абсурдных догм. Это относится не только к религиозным конфессиям, но и к светским сектам, типа фрейдистов или марксистов. Пока все признают одну доктрину, они будут держаться вместе. Любое независимое мышление способствует социальным расхождениям. Вслед за этим исчезает сфера общих эмоций и образа жизни – оснований солидарности.

Самопожертвование всегда считалось наиболее убедительным доказательством лояльности. Его распространенные виды требуют добровольного отказа от удовлетворения определенных телесных потребностей (типа поста или целибата). Не менее важен отказ от самостоятельности мышления. И чем более невероятным кажется то или иное утверждение, – тем большим доказательством преданности оно служит. Католические теологи говорят об этом открыто: согласие с тем, что является абсурдным для обычного человеческого ума, служит доказательством веры в Бога. Светские секты ставят аналогичное требование, хотя редко говорят об этом прямо и искренне.

Произвольные и бессмысленные утверждения образуют прекрасный материал для создания барьеров вокруг замкнутых групп, хотя не затрагивают большинства людей, не обладающих высоким интеллектом. Тогда как логика и ее практическое применение, называемое наукой, доступны каждому, но только в той мере, которая определяется врожденными способностями и с трудом добытым знанием. Отсюда следует, что она привлекает лишь немногих.

Прогресс естественных наук не происходил на основе распространения привлекательности рационализма. Его противники (теологи, консерваторы, метафизики) не были обращены в рационализм, а просто отодвинуты в сторону. Все старые университеты принимали новые эмпирические науки только под влиянием внешнего давления. А большинство наций признали ценность новых наук лишь тогда, когда они были побеждены оружием, созданным в результате изобретения атомной бомбы. Короче говоря, методы эмпирических наук одержали всемирную победу, поскольку увеличивали могущество тех, кто ими занимался, обеспечив их преимущество перед остальными. Чары ушли в прошлое не потому, что перестали соответствовать склонностям человеческого ума, а потому, что они проиграли конкуренцию с наукой за власть над природой. Сегодня заклятия уже не используют для обретения власти над природой. Зато они по-прежнему намного более успешны в манипулировании толпой по сравнению с логическими аргументами. И потому при управлении человеческим поведением шарлатанство более привлекательно, чем научная позиция в отношении к миру.

Достаточно послушать язык политиков, чтобы убедиться: неопределенность и идолопоклонство являются совершенным способом для обретения популярности. Тактика многих политиков состоит в том, чтобы вызывать впечатление: они защищают каждого гражданина, но одновременно не ангажированы ни в одну сторону, что не создавать себе проблем. С этой точки зрения особенно ценным оружием является такая доктрина, которая оставляет открытой дверь для негодяйства на пути к благородным целям. Г. Моска верно отметил, что все влиятельные и устойчивые идеологии должны одновременно апеллировать к возвышенным и подлым побуждениям, что облегчает упаковку в туманную доктрину. Такую же тенденцию можно обнаружить в истории социальных наук, в которых появляется определенный дополнительный элемент, который становится все более важным по мере роста профессионализации: стремление обеспечить товарищам по профессии легкое занятие. Простейшим видом труда является пересказ всем известных текстов. При этом их неопределенность и растянутость наиболее желательны, поскольку дают возможность заработать кусок хлеба. Тогда как

ясность и содержательность значительно ограничивают время, необходимое для объяснения. Если автор вслед за Гегелем или Гуссерлем пишет на путаном и тяжелом языке, он дает работу целой армии экзегетов, которые будут объяснять, что именно он имел в виду. Тогда как писатели типа Д. Юма или Б. Рассела, которые говорят ясно о чем идет речь, не дают бездарным средним интеллектуалам столь больших возможностей толкования текстов и потому имеют мало шансов превратиться в фигуры тотемического ранга. Как правило, творцы мутных произведений прославляются обычно теми, кому они облегчают заработок на жизнь.

Глава 8. Маски объективности

Различие между суждениями о фактах и оценочными суждениями стало одним из краеугольных камней философии с того времени, когда Давид Юм высказал свое знаменитое суждение: разум есть и навсегда останется рабом страстей. (Для читателей, не знакомых с философской терминологией, надо внести уточнение: суждение о фактах может быть неистинным. Противоречия можно избежать, если указанное различие понимать в терминах, которые не принадлежат к обыденному языку и говорить об экзистенциальных и нормативных высказываниях). Хотя это уточнение не отменяет трудностей применения, вытекающих прежде всего из всеобщего слияния понятий, это различие лежит в основании идеала объективности. В методологии социальных наук эту проблему поставил на первый план Макс Вебер. Он назвал ее «свободой от оценок», что можно также квалифицировать как этическую нейтральность². Но в данном случае речь идет о семантической нейтральности, которая совершенно отличается от практической нейтральности. Уточним это различие.

В рамках философской семантики нет ничего более нейтрального с этической точки зрения (свободного от оценок, незаинтересованного и безоценочного), чем вопрос о числе людей с определенным доходом. Однако статистика на тему распределения доходов может быть огнеопасной в системе, которая провозгласила, что она ликвидировала классовые неравенства. Даже (с. 102) там, где различие между официальными декларациями и действительностью незначительны, данные о распределении благ подвергаются важным манипуляциям. Например, когда консерваторы руководили Великобританией, лейбористы публиковали такие результаты анализа, из которых вытекало, что распределение благ в стране отличается значительным неравенством по сравнению с официальной статистикой, и консерваторы были вынуждены искать слабые пункты в представленных доказательствах. Но едва Лейбористская партия пришла к власти, она прекратила заниматься этим вопросом. Это значит, что с практической точки зрения статистика не является абсолютно нейтральной.

Утверждение *Освальд не был убийцей Джона Кеннеди* совершенно нейтрально с семантической точки зрения. В общепринятом смысле слов, которые используются в этом суждении, не содержится никаких свидетельств о том, что автор одобряет или порицает само событие и действия Освальда. С семантической точки зрения трудно найти более чистое и нейтральное суждение на тему фактов. Однако этот вопрос остается одним из наиболее острых в американской политике. И тот, кто высказывает такое суждение, может вызвать гнев со стороны людей, высказывающих противоположное суждение относительно этого мнимого нейтрального факта. Хотя из смысла самих слов невозможно извлечь вывод: в контексте американской политической жизни указанное суждение означает: высшие чиновники США не являются честными; большая власть находится в руках организованных заговорщиков; американская демократия является фикцией. Безусловно, тот, кто высказывает такую оценку,

² Как обычно, то, что интересовало Вебера, было ложно интерпретировано теоретиками, не знающими логики. На эту тему см. мою книгу «Озарения и ошибки Макса Вебера».

будет квалифицирован как подрывник со всеми последствиями, вытекающими из такого определения.

Возьмем другой случай: что может быть более нейтральным, чем статистические данные о населении? Однако в начале 1964 г. всеобщая перепись населения едва не привела к гражданской войне в Нигерии. Проблема сводилась к тому, что любая политическая партия Нигерии была связана с определенным регионом, и ее относительная важность на уровне всей страны зависела от числа популяции данного региона; поэтому все локальные органы власти с помощью различных процедур стремились увеличить число граждан своего региона. В определенный момент споров и взаимных обвинений в обмане дело дошло до того, что премьер Восточного региона согласился принять результаты переписки при условии: данные о его регионе будут увеличены на миллион. Конечно, то было исключительное событие, однако можно без труда привести множество менее показательных примеров.

Потребовалось несколько тысячелетий интеллектуального развития для того, чтобы любой индивид смог посмотреть на свое сообщество незаинтересованно, на основе критериев истины или объективности. Но даже сегодня спонтанное суждение первого попавшегося индивида, кто не потратил никаких усилий на обучение отстраненному и внешнему взгляду на социальную среду, в которой он находится, будет чувственным или связанным с личным интересом. Преобладающее большинство суждений относительно человеческих отношений определяется потребностью выражения чувств либо стремлением повлиять на поведение других людей. Последнего можно достичь путем прямых приказов или внедрения таких убеждений относительно обстоятельств и причинных связей между ними, что при стремлении удовлетворить собственные желания они будут действовать в соответствии с поставленной целью. В обычных ситуациях при обсуждении поведения людей мы обычно одобряем или порицаем, убеждаем или обещаем, угрожаем или стремимся завербовать на свою сторону. До сих пор способность и воля к беспристрастному размышлению о социальных проблемах без стремления к утилитарным целям (первые проблески которого можно найти в сочинениях Макиавелли) остаются свидетельством интеллектуальной рафинированности и встречаются редко. Развитие нашего понимания общества было неразрывно связано с развитием способности к незаинтересованному наблюдению и анализу.

Наиболее ранние примеры методов влияния на людей другим способом по сравнению с техникой кнута или пряника можно найти в историографии и юриспруденции – наиболее древних дисциплинах, изучающих человеческие дела и отношения. В них были воплощены определенные отношения с помощью избирательного распространения определенной информации и контрабанды оценочных суждений в такой форме, чтобы они выглядели как суждения на тему фактов.

Известно, что право есть орудие власти, которое состоит из совокупности правил относительно того, как люди должны себя вести и что должны делать представители государства в разных ситуациях. Это относится также к гражданскому праву, которое поддерживается государственной властью. Манипулятивные намерения лежат в основе законодательных актов. По сравнению с ними более интересными являются такие методы социального влияния, которые состоят в пропаганде веры в несуществующие виды бытия. Например, в такие законы, которые никто никогда не устанавливал, но они должны быть «открыты». Если определить право как совокупность высказываний относительно допустимых, обязательных и запрещенных типов действия, то достаточно минуты размышления, чтобы осознать: никакое право не существует до тех пор, пока его кто-то не провозгласит. Когда судьи занимаются «открытием» права, то фактически они его только творят, даже если это сводится к конструированию мало существенных вспомогательных правил в уже существующей сети. Фиктивное убеждение в том, что право существовало прежде, чем оно было открыто, увеличивает силу таких

творцов, приписывая им атрибут сверхчеловеческих способностей. В США этот тип фикций обеспечил Верховному Суду право осуществлять изменения в политических структурах, которые были приняты на основе молчаливой посылки: вновь провозглашенные принципы были скорее обнаружены, чем установлены. То, что новые правила здесь представлены как выведенные из прежде существующих, ничего не меняет, поскольку трудно говорить о следствиях, пока они не сформулированы. К тому же правовая экзегетика редко принимает логическую форму³.

Кроме названия процесса создания прав «открытием права» существует, как уже упоминалось, такой метод влияния на поведение, который состоит не в приказах, а в пропаганде системы ценностей путем распространения определений абстрактных понятий *государство, семья, преступление, свобода*. Этот метод столь же стар, как исторические записи. Лучшим примером здесь может быть заимствование Европой римского права в начале Нового времени. Именно сословие юристов тогда проложило дорогу абсолютизму и капитализму, изменив способ юридического мышления. Манипулятивный потенциал дефиниций в современных социальных науках будет детально рассмотрен в 12 главе «Идеологический шепот терминологии». Здесь для иллюстрации того, насколько далеко зашло дело, приведу лишь наиболее показательный пример: гегелевское определение свободы как возможности подчинения государству. Трататы в сфере политических наук были переполнены подобной скрытой пропагандой, хотя преимущественно (с. 105) она выражалась в более мягкой форме. Именно желание обойти эту помеху в развитии эмпирических социальных наук склонило Макса Вебера сформулировать канон «свободы от ценностей».

Большинство летописей переполнены славословиями по адресу царствующих лиц и полководцев. Исторические труды, вдохновленные желанием понимания мира, начали появляться главным образом в результате развития естественных наук и интереса к другим обычаям – под влиянием географических открытий. Подобно медицине, филологии и физике, первые проблески научного подхода к историописанию (в отличие от хвалебных хроник) появились в Древней Греции в сочинениях Фукидида и заново возникли в Италии в трудах Макиавелли, Гвичардини и Сарпи. Затем центры творчества передвинулись на север, во Францию и Англию, где действовали Жан Боден, Томас Гоббс и Джеймс Харрингтон. Несмотря на многочисленные путешествия на эти девственные территории, которые предпринимали философы Просвещения, заинтересованные политической проблематикой (Вольтер, Гердер, Кант и Юм), исторические произведения того времени сосредоточивались почти исключительно на великих делах великих людей, и так обстояло дело почти до XX века. Число публикаций свидетельствует, что даже сегодня обучение и писание истории обслуживает процессы индоктринации, несмотря на сдвиг интереса к институтам, а не событиям, что наверняка связано с трендами развития массового общества. И все же в последние десятилетия XX в. в историографии заметны тенденции роста объективности и открытости на новые экономические и социологические идеи.

Ранние описания примитивных культур переполнены презрением к глупым и бессмысленным обычаям темных дикарей. В современных этнографических трудах (которые раньше назывались антропологией) тоже нетрудно заметить тенденцию к пониманию и бесстрастному анализу на фоне падения интереса к прославлению или осуждению. Поэтому можно заметить рост объективности. Но не следует полагать стопроцентную объективность достижимой целью, хотя на достижение такого идеала не стоит жалеть усилий. Ясность и логическая последовательность тоже не достижимы полностью, но без стремления к ним не было бы науки.

³ Такого типа процедура играет большую роль в англоязычных странах, где право не кодифицировано.

Ни один автор, изучающий социальные проблемы, не в состоянии целиком подавить положительные или отрицательные чувства в отношении событий и лиц, которые он описывает. Поэтому надо с пониманием относиться к его искреннему признанию симпатий и антипатий, благодаря которым мы можем избежать его пристрастий. По сути дела до тех пор, пока мы в состоянии установить и учитывать различие между осуждением и одобрением автора, с одной стороны, и действительной информацией и анализом, с другой стороны, мы можем предъявлять к нему претензии в том, что он слишком много места уделяет обвинениям или похвалам и мало прилагает усилий на описание обстоятельств и причинно-следственных зависимостей. Стремление сдерживать собственные эмоциональные реакции может помочь в концентрации на анализе. Но отсюда не вытекает, что отсутствие сильных чувств в отношении к предмету исследования образует лучшее основание для его понимания, поскольку эмоциональная ангажированность может стимулировать интерес. Некоторые элементы механизмов действия социальных систем открыли люди, которых их любили или ненавидели. Пример Маркса здесь приходит на ум почти автоматически.

Если различие между суждениями о фактах и оценках становится ясным, то появление оценочных суждений на страницах научной книги или в рефератах не повредит передаче и накоплению информации более, чем замечание о красоте звездного неба в астрономическом труде. Однако при обсуждении типично человеческих проблем надо проводить строгое различие между наиболее крайними формами суждения о фактах и оценках. Когда говорят, что чей-либо характер или действия достойны хвалы или хулы, нам трудно высказаться определенно о природе его личности или поведения, если нам ничего не известно о шкале ценностей собеседника. Определения типа «сукин сын» или «засранец» совершенно потеряли информационный смысл о происхождении или белье, а выражают исключительно ненависть и презрение. Тогда как эпитеты «лжец» или «трус» включают одновременно информационное, чувственное и оценочное содержание. Потому что первое слово мы бы не использовали в отношении человека, дела и слова которого не противоречат друг другу. А другим словом никогда бы не назвали того, кто никогда не чувствует страха, если даже он жесток или двуличен. К тому же одна и та же черта характера (в зависимости от шкалы ценностей и позиции говорящего) может быть названа боязливостью или осторожностью, но наверняка не рискованностью.

Существует два повода, по которым при разговоре о человеческих делах трудно избежать эмоционально и оценочно нагруженных слов. Прежде всего у нас нет значительного количества понятий, созданных для чисто познавательных целей, чтобы охватить ими все проявления человеческих взаимодействий. По этой причине невозможно описать политические события, если мы ограничиваемся терминами, выработанными психологами, социологами и политологами, не говоря уже о том, что совсем не очевидно, что данная терминология облегчает или затрудняет описание ситуации. Некоторые полагают, что со временем социальные науки выработают терминологию, необходимую для реализации этой трудной задачи. Лично я не верю, что это действительно когда-то удастся сделать. Даже если пренебречь другими проблемами в развитии этой дисциплины, по-прежнему останется фундаментальная трудность: не суть важно, насколько стерильными и гигиеничными будут вначале новые психологические и социологические термины; но в любом случае они вскоре будут нагружены позитивным или негативным чувственным содержанием в зависимости от нашего отношения к тому или иному феномену или предмету. Например, вряд ли кому-то понравится, когда его назовут мазохистом или психопатом. Эти термины были созданы в чисто клинических целях и потому используются как не менее объективные по сравнению с другими понятиями, которые используются при исследовании человека. Однако никто не желает, чтобы его определяли или диагностировали как обладателя комплекса Эдипа, комплекса неполно-

ценности, неинтеллигентности или эмоционально незрелого человека. Независимо от того, насколько обходительные заменители будут придуманы для исключения из оборота слов *импотенция* или *онанизм*, маловероятно восприятие их как нейтральных, если известен их смысл. По этой причине нецелесообразно создание неологизмов только для того, чтобы заменить ими слова с оценочным смыслом. Особенно с учетом того, что психологические и социологические термины подвергаются деформации и упрощениям по мере их популяризации. Единственной, хотя и несовершенной защитой от этой тенденции является соблюдение строгого и сложного значения терминов, затрудняющего их повседневное употребление, что в значительной мере достигнуто в экономической теории.

Непонимание может помочь в обретении сильного положения и денег. Ярким примером является юридический язык (несмотря на его строгость), особенность которого гарантирует, чтобы никто посторонний не мог его понять. Это вынуждает людей прибегать к дорогостоящим советам юристов (особенно в англоязычных странах). Политики и чиновники часто целенаправленно произносят речи в языке, который переполнен двусмысленностями, чтобы оставить за собой свободу действия. Даже уставы различных организаций сознательно составляются на многозначном и нестрогом языке, чтобы руководители данных организаций могли избежать ответственности и даже осуществлять злоупотребления. Эта тенденция становится очевидной даже в такой ясной и простой сфере, как название должностей в администрации: чтобы не пробуждать ненужных подозрений, нового начальника называют координатором, а не шефом или директором. При этом попутно теряется радикальное различие между любовной координацией и властью.

Способность слов пробуждать чувства образует труднопреодолимый соблазн деформации их основного значения в целях желательной реакции. Такими мотивами руководствуются специалисты по рекламе, журналисты, писатели, телеведущие. Они вызывают множество недоразумений, ради сенсации лишая слова определенного смысла. Поэтому необходима постоянная дискуссия о терминологии, напоминающая неустанное наведение порядка или прополку от сорняков. Без этого невозможно продвижение вперед в понимании социальной реальности. Зато можно оказаться позади, как это произошло на наших глазах.

Далеко не случайно, что (вне экономики) наиболее рафинированная и логически цельная терминология появилась в исследованиях отношений родства в примитивных обществах. Кроме пользы, вытекающей из анализа структур, которые можно разложить на относительно постоянные и изолированные элементы (как отношение бытия женой, мужем, братом, сестрой, сыном, дочерью, отцом, матерью), эта сфера социальных исследований достигла успехов благодаря независимости от меняющихся идеологий и политических систем. Чисто интеллектуальные затруднения, упорная идеологичность и целенаправленное введение в ошибку взаимно укрепляют друг друга. Чем сильнее страсти, тем труднее становится рациональное мышление, и тем более успешнее пропаганда. Чем труднее открыть и доказать истину, тем сильнее искушение мыслить желудком (нутром) и поддаться соблазну предпочтения страстей разуму. Наконец, чем большее значение имеет тот или иной вопрос в борьбе за власть и богатство и чем более энергичные процедуры явной или скрытой пропаганды, которая стремится ввести в заблуждение, тем труднее будет пробиться исследователю, который действительно стремится к истине.

Для осознания трудности проблемы отделения информации от пропаганды достаточно вдуматься в смысл термина *фашизм*. Он был создан для определения сторонников Бенито Муссолини, а затем использовался для определения движений, которые симпатизировали или напоминали итальянских фашистов с точки зрения программы и организации. Коммунисты расширили значение этого термина, применяя его по отношению ко всем несогласным. Однако эта пропаганда поскользнулась на собственной корке от банана, когда коммунистов

стали называть красными фашистами. Советский писатель Валерий Тарсис определил коммунизм как особенно вредную разновидность фашизма. Значит, общий знаменатель всех указанных способов использования данного слова является чисто эмоциональным и сводится к выражению осуждения. Но о системе или движении, которая определяется именем «фашистская», мы не можем сказать ничего, если не знаем позиции наблюдателя.

В главе «Идеологический шепот идеологии» будут рассмотрены менее очевидные примеры эмоциональной окраски мнимых чисто научных терминов. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что этот тип манипуляции не является новым, а его историю можно проследить со времени наиболее древних произведений о природе человека. Определения государства содержат преимущественно элемент уговаривания и зачастую ничего более. Не надо далеко ходить, чтобы показать, что дефиниция государства, как проявление всеобщей воли граждан, имеет своей целью внедрение совершенно иного убеждения по сравнению с позицией: государство – это институт, направленный на защиту богатых от бедных. К тому же ответ на мнимо теоретический вопрос: возникло ли государство путем завоевания или добровольного договора? зависит в значительной мере от отношения к существующей здесь и сейчас системе государственного правления.

Фундаментальная трудность, связанная с сохранением объективности, вытекает из того, что ни требование верности фактам, ни канон семантической нейтральности ничего не говорят нам о том, что принимать во внимание, а чем пренебрегать при описании ситуации.

Можно нарисовать карту города, на которой обозначить музеи, школы, театры и прочие значимые места. Но ничего не стоит нарисовать и такую карту, на которой будут обозначены только бордели, притоны и места встреч торговцев наркотиками. Обе карты могут быть в равной степени истинными и детальными, и нет причин, чтобы одну из них считать более истинной, чем другую или по сравнению с любой другой картой, которую можно создать. Возьмем менее тривиальный пример. С точки зрения философской семантики утверждение: «В СССР построено такое-то число школ и больниц» не менее нейтрально, чем информация: сколько миллионов людей погибло в СССР в лагерях принудительного труда. Однако предпочтение первого или второго факта или обоих вместе может служить хорошим показателем отношения к советскому государству.

Сумма всех свойств любого явления бесконечна. Поэтому каждый, кто пытается его описать, должен принять решение (сознательное или иррациональное), какие из этих свойств учесть, а каким пренебречь, а также сколько внимания уделить каждому из них. Каноны достоверности и детальности, принципы философской семантики и даже использование слов без эмоциональных коннотаций не освобождают от необходимости такого выбора. Каждому журналисту известно, что даже описание простого события (типа автопроисшествия или парада) может оказаться деформированным, если экспонируются отдельные подробности при игнорировании других. А информацию о любом событии можно полностью извратить, если слепить избранные фрагменты, сами по себе совершенно адекватные.

Осознание этих проблем не должно вести к следствию: любое описание недостоверно, и мы не можем ничего и никогда толком узнать. Никакой истины в этом нет. Здравый рассудок, основанный на опыте повседневной жизни, подсказывает, что одни свидетели более (мнее) достоверные по сравнению с другими, не говоря уже о различиях склонности к сознательной лжи. Однако из приведенных выводов вытекает: идеал объективности намного более сложен и труднодостижим, чем его представляют методологические проповедники. Для его достижения нужно не просто соблюдать технические принципы верификации при использовании абстрактных и эмоционально нейтральных понятий. В состав понятия объективности входят: моральный принцип добросовестности (честности) в отношении лиц и институтов;

стремление избежать ненавистнического и всепрощенческого мышления; бесстрашие в отношении угроз и искушений.

Судье принадлежит право оценки признания свидетелей. Мы тоже не можем оценить любую информацию без одновременной оценки источника ее происхождения, если даже наше суждение не вполне сознательное. Вслед за следователем и судьей мы имеем дело преимущественно с информацией, которую не можем проверить лично. Членство в научном сообществе и применение методологических техник не гарантирует элементарную правдивость (искренность, прямоту), не говоря уже об объективности в широком смысле этого слова. Более того, мы никогда бы не пришли ни к чему определенному, если бы предположили, что все свидетельства в равной степени достоверны и что объективность состоит в уравнивании всех утверждений, поскольку незаинтересованность в установлении различия между правдивым свидетелем и лжецом ведет к согласию на полуистину и разрешает обман.

Любая группа и любая власть распространяет множество ложных утверждений о себе, своих союзниках и врагах. По этой причине каждый, кто занимается поиском и сообщением истины на тему отношений между людьми, должен считаться с тем, что рано или поздно он наступит кому-то на мозоль и будет признан еретиком или подрывником. Существует совсем немного таких вопросов, в отношении которых каждая группа не имеет определенных убеждений. Поэтому полная нейтральность может оказаться невозможной, особенно если властвующая клика культивирует принцип *Кто не с нами, тот против нас*. А с учетом различия между индивидами и группами с точки зрения их склонности к пропаганде иллюзий и лжи, в конечном счете истинность связана с необходимостью высказаться в пользу одной из сторон. Поэтому решение говорить правду требует от ученого противостояния тем организациям и школам мысли, которые в большей степени хвалят сами себя или обманывают людей, а также поддержки оппонентов, у которых меньше указанных недостатков. Ни одна правдивая книга из сферы антропологии не может оставаться нейтральной в отношении нацистской идеологии, провозглашающей фиктивную чистоту германской расы как свой главный догмат. Аналогично даже наиболее строгое самоограничение любой критики не приведет к тому, чтобы сочинение, посвященное честному сравнению жизненных условий рабочих и высших государственных чиновников, не было бы признано подрывным в стране, в которой официальная мифология убеждает население в ликвидации классового неравенства, хотя оно по-прежнему существует. Таким же образом информация о том, что на Южный Вьетнам было сброшено больше бомб, чем на Германию и Японию во время второй мировой войны вместе взятых (хотя семантически она совершенно нейтральна), не помещается в рамках практической нейтральности, поскольку ставит под сомнение утверждение: данную войну ведут ради защиты демократии в данной части света.

Кстати сказать, слово «демократия» давно потеряло любой строгий смысл и при всеобщем употреблении означает просто одобрение данной системы без учета того, какой она является на самом деле.

Никого не будут считать нейтральным, если он желает выставить напоказ то, что другие хотят скрыть. Это относится не только к большой политике, но и ко всем прочим ситуациям. Например, экспертиза перспектив реорганизации предприятия для одних означает продвижение по службе, а другие могут лишиться заработка на жизнь. Поэтому надо постоянно учитывать различие между семантической и практической нейтральностью. В принципе первая достижима. Другая остается недостижимой в современном мире, в котором секретность, обман, иллюзии до сих пор играют важную роль в детерминации человеческих действий, а прежде всего в борьбе за власть и богатство.

Поэтому полная нейтральность при анализе человеческого мира недостижима. Зато псевдонейтральность не только возможна, но и хорошо оплачивается. А на высших уровнях

посвящения обеспечивает возможность участия в охоте с собаками при одновременной помощи зайцу.

Уже давно Леопольд Ранке сформулировал принцип: задача историка состоит в открытии того, как обстояло дело в действительности. Это положение часто критиковалось за наивность. Действительно, положение вещей таково, что простая любовь к истине не гарантирует беспристрастности. Но скрытый смысл высказывания Ранке можно обнаружить путем его переформулировки: задача историка состоит в маскировке действительных событий. Трудно даже представить, чтобы историография или анализ текущих событий могли быть сведены к обслуживанию пропаганды или стать полностью бесплодным занятием, если бы мы хотя бы частично не соблюдали канонов истинности, которым удовлетворить легче, чем объективности в широком смысле этого слова. Высказывание Ранке открыто для эпистемологической критики. Но оно было обоснованием превосходства поисков истины, стремления к детальности и трезвой мысли над идолопоклонством, предрассудочным и пристрастным стилем письма, который можно обнаружить среди историков даже сегодня.

Объективность предполагает проведение строгого различия между односторонностью и нейтральностью. Хотя полностью реализовать это требование невозможно, оно должно оставаться главным идеалом наших исследований. Этот идеал трудно достигим путем простого применения нескольких технических правил. Но если мы отвергнем его целиком, то превратимся в пропагандистов или паразитов. Конечно, если не желаем стать воинами или партизанами, которые вместо размышления сразу стреляют.

Приведенные аргументы склоняют принять вывод, который противоречит общему шаблону: факты являются определенными, а теории нередко бывают произвольными. Отсюда не вытекает перспектива фундаментального релятивизма, поскольку для размышления о действительности мы должны принять принцип ее бытия, по отношению к которой утверждения о фактах могут рассматриваться как истинные или ложные. Полный релятивизм отвергает любую истину и внутренне противоречив, поскольку сам себя опровергает. Это осознано еще в Древней Греции: если критянин утверждает, что все критяне лжецы, то его самого надо признать лжецом, а высказывание ложным. Научное мировоззрение и практическое мышление базируется на принципе обоснованности высказывания суждений (хотя бы приближенных) на тему истинности или ложности фактов. Однако простой критерий истины не может быть основанием для решения о выборе из бесконечного числа истинных суждений о фактах. Такой выбор будет произволен, если он не ограничен объективными критериями. В этом случае он обычно базируется на неопределенном идеале справедливости или интуитивной оценке относительно важности, которая может быть истинной или ложной. Совсем иначе обстоит дело с утверждениями о причинно-следственных связях, число которых ограничено и их невозможно умножать или модифицировать по собственному произволу.

Не только общие суждения о причинно-следственных связях, но и отдельные относящиеся к ним суждения ограничены намного больше, чем описательные суждения. Если задача состоит в описании свойств бытия А, то можно составить произвольный список их истинных свойств. Но если нужно сформулировать суждение о причинно-следственных связях между двумя свойствами А, при объяснении появления свойства Х существованием свойства У, то моя свобода будет ограничена знанием на тему причинных связей, причем даже до нуля, если не удастся сформулировать никаких верных обобщений.

Если согласиться, что объективность влечет за собой определенные ограничения о том, что мы можем сказать, то мы будем вынуждены признать, что проверенные теории более объективны, чем истинные описательные суждения, выбор которых настолько объективен, насколько он базируется на теоретических принципах относительно причин и следствий, тогда как чистое описание всегда вынуждено оставаться произвольным. Но здесь надо под-

черкнуть, что это относится к теориям, которые ясно сформулированы и проверены, а если не целиком проверены, то обоснованы убедительными эмпирическими доказательствами. Помпезная, непроверенная и псевдо-теоретическая невнятица намного хуже произвольной, поскольку отвергает любую проверку.

*Перевод с английского А.Г. Акопян
Научная редакция В.П. Макаренко*